

СССР И ВТОРОЙ ВЕНСКИЙ АРБИТРАЖ: ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ И ПОСЛЕДСТВИЙ

Анатолий Сальков

Полиэтническая Трансильвания (Семиградье, Ардял) была традиционно связана с территорией "исторической Венгрии", сложившейся в естественных границах, которые в целом оставались стабильными в течение девяти веков. Поменяв несколько раз свой государственно-правовой статус, Трансильвания никогда не принадлежала Румынии, хотя румыны составляли в ней большинство населения. Поэтому Венгрия свои претензии на эту территорию обосновывала историческим правом, а Румыния — этническим принципом. В ходе Первой мировой войны Румыния, первоначально примкнувшая к германскому блоку, заключила 17 августа 1916 г. конвенцию о предоставлении ей в случае перехода на сторону Антанты Трансильвании, Баната, южной части Марамуреша и части Кришаны. (Необходимо иметь в виду, что в политическом обиходе 20—40-х гг. XX в. эти четыре территории именовались под общим топонимом Трансильвания.) Несмотря на сепаратный мир с Центральными державами (7 мая 1918 г.), она добилась права участия в Парижской мирной конференции 1919 г. и потребовала выполнения условий конвенции. Хотя румынские требования и не были удовлетворены полностью, основные амбиции по созданию "Великой Румынии" оказались реализованными. Трианонский договор с Венгрией (4 июня 1920 г.) отделил от нее обещанные Румынии территории, которые она захватила еще в 1919 г. Таким образом, Румыния получила 31,7% территории Венгерского королевства, входившего в состав Австро-Венгрии, в то время как самой трианонской Венгрии, потерявшей и инациональные, и свои исконные земли, осталось лишь 28,6%¹.

Со времен Трианона стержневым содержанием венгерской внешней политики стала его ревизия и ревендикация (право на возвращение) территорий, утраченных в результате Первой мировой войны, для воссоздания "Короны Святого Стефана". При этом венгерский ревизионизм носил экспансионистский характер, претендуя не только на установление безраздельного господства на Карпатах, но и на продолжение своей экспансии против соседних стран. Нараставшее обострение противоречий с Малой Антантой заставляло Венгрию искать поддержки своего ревизионизма у Германии и Италии, проводя политику балансирования между ними².

По решению второго Венского арбитража, проведенного Германией и Италией 30 августа 1940 г., Румыния передала Венгрии Северную Трансильванию (вернее, Кришану, Марамуреш) площадью 43,6 тыс. кв. км с населением 2,5 млн чел., из которых более 1 млн румыны. У Румынии осталась Южная Трансильвания (вернее, Банат и собственно Трансильвания). Достоверных сведений о национальном составе населения арбитражной части Трансильвании не имелось, а данные обеих сторон сильно различались. По румынской переписи 1930 г., там проживало 48,7% румын, 42% мадьяр и 2,5% немцев. По венгерской переписи 1910 г. — 51,4% мадьяр, 42,2% румын и 4,1% немцев. В румынской (юж-

ной) части Трансильвании, по венгерским данным, оставалось не менее 750 тыс. мадьяр, а в венгерской (северной) части, по румынским данным, — 1,2 млн румын. На заседании венгерского правительства 31 августа 1940 г. отмечалось, что по конфессиональной принадлежности почти все румыны Северной Трансильвании являлись греко-католиками. Министр иностранных дел Румынии М. Манойлеску отметил в тот же день в выступлении по радио, что "принятие этнического принципа как единственной основы для территориального размежевания, к сожалению, было отклонено арбитрами"³.

Берлин преследовал цель не допустить чрезмерного усиления Венгрии и стремился усилить зависимость от себя обоих антагонистов. Еще на переговорах с президентом Венгрии П. Телеки и министром иностранных дел Италии Г. Чиано в Мюнхене 10 июля 1940 г. рейхсканцлер А. Гитлер, бахвалясь тем, что как "бывший австриец" знал, насколько запутанными были национальные проблемы в Австро-Венгрии, а следовательно, и в Трансильвании, точно спрогнозировал последствия урегулирования: "Как территории ни дели, одна сторона, естественно, будет ныть. В случае же с Трансильванией, вероятно, будут ныть и стонать обе стороны сразу". Странная линия новой венгеро-румынской границы оставляла на румынской стороне стратегические месторождения, которые обеспечивали сырьем контролировавшуюся германским капиталом индустрию. Гитлер признавал, что "нефтяные источники явились решающим критерием при разделе Трансильвании". Эта граница, по более поздним советским оценкам, "преднамеренно и с явным умыслом" была проведена так, чтобы она "заранее содержала в себе зародыш будущих трений и конфликтов"⁴.

С другой стороны, Германия одновременно и запугивала Румынию, и давала ей известные посулы за счет СССР. Еще во время потери в июне 1940 г. Бессарабии и Северной Буковины, румыны получили успокоительные заверения от немцев, что "эти уступки временного характера". Советская внешняя разведка имела агентурные данные о том, что германский и итальянский военные атташе в Бухаресте заявляли об отторжении в будущем от СССР Бессарабии, а также Советской Молдавии. Перед арбитражем Берлин шантажировал Бухарест тем, что если он не согласится на передачу Трансильвании, то Румынии будет угрожать опасность потери ее провинции Молдавии, которую у нее "отберет СССР, а вопрос о Трансильвании все равно встанет после этого". Сразу после арбитража, накануне вступления немецких войск в Румынию, опять широко распространялись слухи о намерении СССР захватить Молдавию и Северную Добруджу. Истинной причиной "приглашения" немецких войск было, по информации советского полпреда в Бухаресте А. И. Лаврентьева, обещание Германии и Италии приложить "все силы к тому, чтобы возратить Румынии утраченные области (Бессарабию и Северную Буковину)". Косвен-

Сальков Анатолий Петрович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета Белорусского государственного университета

ное подтверждение этой мысли содержалось в октябре в газете "Курунтул", писавшей, что "весной 1941 г. Румыния должна быть другой и должна начать исправлять великие оскорбления судьбы". Тем временем СССР в ноябре 1940 г. оккупировал мелкие острова в рукавах Килия и Старый Стамбул устья Дуная, реализуя цель взять под свой контроль навигацию в Килийском гирле. Ответ первого замнаркома иностранных дел А. Я. Вышинского на румынский протест был "не лишен интереса". Оказывалось, что этот шаг "не означает недружественного жеста", потому что "несколько дунайских островов не имеют никакого значения для Румынии", для СССР же усиление позиций в рукаве Килия представляет оборонительный интерес. Бухаресту был дан совет не омрачать состояние своих отношений с Москвой⁵.

Интересные сведения о роли главы Национал-царанистской партии Румынии Ю. Маниу в трансильванском кризисе содержатся в документах "Особой папки" В. М. Молотова. Как следовало из показаний в ноябре 1947 г. пленного венгерского генерала И. Усайши, являвшегося в период арбитража начальником II отдела Генштаба, антивенгерская активность партии Маниу после Вены приобрела еще больший размах. Лидер трансильванских румын за отмену массового митинга против арбитража, назначенного на 15 сентября в пограничном г. Альба-Юлия, потребовал от венгров 1 млн лей. Президент Венгрии П. Телеки санкционировал перевод денег, они были получены, а митинг отменен. Далее Маниу якобы продолжал получать крупные суммы, но его "лже-оппозиционная деятельность по вопросу Трансильвании больше не беспокоила венгерское правительство"⁶. Разумеется, эти сведения следует воспринимать с учетом того, что на Первом совещании Коминформа (22—28 сентября 1947 г.) Национал-царанистская партия квалифицировалась как реакционная. Это привело к политическому процессу в октябре—ноябре 1947 г., который завершился ее роспуском и осуждением Маниу к пожизненному заключению⁷.

Особое значение для исследователя имеют основные на новых документах оценки результатов и последствий второго Венского арбитража заинтересованными сторонами — Румынией, Венгрией, Германией и СССР. Эти оценки обнажили побудительные мотивы поступков, отразили скрытые интересы и во многом объяснили логику дальнейших событий.

Реакция в румынском обществе была бурной. На утраченной территории Северной Трансильвании, которую румынские войска должны были покинуть в течение двух недель, шли демонстрации. В административном центре Клуже рядом с требованиями "Ни одного куска румынской земли не отдадим Венгрии", "Мы хотим войны" — встречались даже просоветские лозунги "Протянем руку через Днестр". Газета "Тимпул" в эти дни писала, что перед венским приговором румынский народ "окаменел от боли и разочарования". "Универсул" вторил, что с Трансильванией, разорванной на два куска, "надвое рубится сердце народа-неудачника", а ревизионистские требования "переходят теперь в другую страну — в Румынию, на этот раз вполне справедливые". "Курунтул" проводил параллель между Версальским миром и Венским арбитражем и выражал надежду, что, как и Германия, "Румыния возьмет еще свой реванш". Общественный кризис привел Й. Антонеску к власти, а короля Кароля II к отречению от престола. Румыния стала фактически превращаться в провинцию Германии⁸.

Венгерская оценка результатов арбитража в итоге свелась к тому, что он был вынесен в пользу Германии, а не Венгрии. Получив гористую, бездорожную, лишённую промышленности и источников сырья часть Трансильвании, Венгрия обрела со стратегической точки зрения чрезвычайно невыгодную границу, фактически оказавшись в положении менее выгодном, чем она находилась до этого. В народе бытовала оценка: "К десяти миллионам бедняков прибавилось еще два миллиона". Заслуживает упоминания высказывание министра иностранных дел Венгрии И. Чаки: "...немцы отдали нам не всю Трансильванию, в то время как русские признали справедливыми все наши требования". Венский арбитраж, вызвавший прямое недовольство в Венгрии, оказал большое влияние на улучшение отношений с СССР. Создалось положение, при котором Венгрия фактически жаловалась Москве на Германию и проявляла недоверие к ее целям на юго-востоке Европы. Этот ракурс в венгеро-советских отношениях "наметил постановку вопроса о поисках в будущем поддержки у СССР"⁹.

Исчерпывающую оценку трансильванского решения Германией как не вполне окончательного дал сам А. Гитлер, принимая 10 сентября 1940 г. венгерского посланника Д. Стояи. Он упомянул, что одно время обсуждал с Г. Чиано, не целесообразно ли "пустить события на самотек", т. е. не препятствовать военному решению вопроса. Однако отказался от этой идеи, так как война создала бы угрозу для нефтяных источников и могла бы вызвать всеобщий конфликт на Балканах. Вместе с тем Гитлер допускал, что, несмотря на арбитраж, рано или поздно в Румынии "может возникнуть хаос со всеми его последствиями (советское вторжение), что может вынудить Германию и Италию, основываясь на гарантиях, прибегнуть к вмешательству (нефтяные месторождения!!!)". При этом не исключалась возможность "столкновения с большевизмом, который, естественно, навечно останется смертельным врагом национал-социализма и фашизма". Он дважды давал понять Стояи, что "не считает венгеро-румынскую границу в Трансильвании, несмотря на гарантии, окончательной". Совсем другая оценка, предназначенная для Москвы, была дана, причем по собственной инициативе, немецким посланником в Румынии В. Фабрициусом в беседе с советским полпредом А. И. Лаврентьевым 13 ноября 1940 г. В его интерпретации, Германии всего лишь "пришлось пойти на некоторое удовлетворение венгерских требований" ввиду невозможности переместить около 450—600 тыс. секлеров (мадьярская этническая группа секлеров (секеев) населяла отдаленную от Венгрии территорию в 10 тыс. кв. км вокруг города Брашова) в другое место, откуда надо было бы выселить около 1 млн румын. При этом Германия даже поступилась 50 тыс. немцев, оставив их на территории, отходящей венграм. Это было сделано для того, чтобы "не слишком сужать проход", ведущий к горным районам, населенным секлерами, которых Венгрия обязательно хотела присоединить¹⁰.

Наиболее интересна и примечательна реакция Москвы и ее оценка решения по Трансильвании, нашедшая отражение в двух беседах Ф. Шуленбурга с В. М. Молотовым. На первой встрече, 31 августа, германский посол выполнил поручение своего правительства "устно информировать" Молотова о третейском решении в Вене, а также, "принимая во внимание дружественные отношения с СССР", уведомить его об этом

"в наикратчайший срок". Процедурный и содержательный аспект такого информирования обнаруживал пренебрежительное отношение Германии к интересам советской стороны. Не случайно Молотов едко заметил в ответ, что в печати о венских решениях сказано больше, чем в сообщенной ему информации. Отсутствие консультаций с СССР Шуленбург объяснил "только большой поспешностью" при решении трансильванского вопроса¹¹.

Смысл советских упреков был обобщен и конкретизирован 9 сентября, на второй встрече двух дипломатов. Они базировались на нарушении немецкой стороной статьи III советско-германского договора от 23 августа 1939 г. и сводились к четырем моментам: 1) ранее, еще на июньской встрече Молотова с Шуленбургом было выяснено, что высказывания германского посла в Риме Г. Макензена в его беседе с советским поверенным в делах Л. Б. Гельфандом в 20-х числах мая о необходимости для Германии и Италии совместного с СССР разрешения проблем Балкан и юго-востока Европы являлись точкой зрения германского правительства, а не отдельного дипломата; 2) венское решение относилось к тем вопросам, по которым были необходимы консультации и информирование, так как решался вопрос о двух соседних Советскому Союзу государствах. Германия же лишь поставила Москву в известность о свершившихся фактах; 3) решая судьбу Бессарабии и Буковины, СССР заранее информировал Германию, ждал ее ответа для принятия решения, учел позицию Берлина и ограничил свои претензии в отношении Буковины только ее северной частью; 4) в период принятия решения о Северной Буковине Молотовым была выражена надежда, что в случае постановки "при соответствующих условиях" вопроса о Южной Буковине Германия поддержит СССР в этом вопросе. Однако германо-итальянская гарантия новой румынской границы расходилась с этим пожеланием СССР, хотя оно в свое время и не было отвергнуто германской стороной. В ответ Шуленбург вяло оправдывался, что у Берлина "не было злого умысла", там не придали "должного значения беседе Макензена и вообще не ожидали такой большой заинтересованности СССР в данном вопросе". От себя он добавил, что в "Берлине и Вене не отдавали полного отчета в том, какое это произведет впечатление на Москву"¹².

Резкая раздраженность и неудовольствие советской стороны определялись не столько содержанием венского решения, сколько ее полным отстранением от него. Советские территориальные интересы совершенно не были учтены, потому что они столкнулись с более масштабными и далеко идущими интересами Берлина. Активная роль Германии в разрешении по своему сценарию трансильванского спора и гарантировании новых румынских границ позволила в середине сентября советским дипломатам и военачальникам по горячим следам сделать важные выводы. Политическое письмо полпредства в Бухаресте от 17 сентября и записка Ближневосточного отдела НКВД от 21 сентября сообщали о стремлении Германии создать из Румынии и венгерской части Трансильвании военный плацдарм "против Советского Союза и для продвижения к Черному морю", а также об особом значении стран юго-востока Европы "в германских планах продвижения к Черному морю и проливам". Наркомат обороны в докладной записке в ЦК ВКП(б) об основах стратегического развертывания от 18 сентября характеризовал но-

вую обстановку в Европе как чреватую вооруженным столкновением на западных границах. Наиболее вероятным противником называлась Германия, а столкновение с ней могло "вовлечь в военный конфликт с нами Венгрию, а также, с целью реванша, Финляндию и Румынию". Эти выводы подтверждались и немецкими документами. Стратегическая разработка оперативного отдела штаба Верховного командования вермахта по подготовке и проведению кампании против СССР от 15 сентября оценивала, где лучше нанести главный удар — севернее или южнее Припятских болот. Особо указывалось, чтобы Россия не подозревала о "грозившей опасности и не имела бы оснований для принятия контрмер (вторжение в Румынию, прекращение экономических поставок)"¹³.

Коминтерн, давно пребывавший на задворках политики, также сформулировал отношение к проблеме в двух резолюциях Секретариата. В резолюции "О положении в Венгрии и задачах КПВ", принятой 20 августа, накануне арбитража, отмечался временный отход Будапешта от идеи полного восстановления дотрианонских границ. Это требовалось, чтобы "сначала сконцентрироваться на завоевании Семиградья", что не означало "окончательного отказа от восстановления старых венгерских границ (с включением всего Семиградья, Словакии и частей Югославии, раньше принадлежавших Венгрии)". А в резолюции "Позиция КП Румынии и КП Венгрии по вопросу Семиградья", принятой 5 сентября, сразу после арбитража, его решения именовались империалистическим диктатом, осуществленным "без опроса заинтересованных народов". В духе 20-х гг., в качестве актуальной повторялась установка о праве на "самоопределение народов, подвергающихся национальному угнетению, как в отошедших к Венгрии, так и в оставшихся в Румынии частях Семиградья"¹⁴. Однако советскую дипломатию интересовали реальные процессы и их адекватный анализ.

Венские решения и нараставшее советское недовольство ими стали предметом постоянных разговоров в кругах дипкорпуса в Москве. Во время обсуждения вопроса о гарантии румынских границ между итальянским послом А. Россо и румынским посланником Г. Гафенку на ужине в посольстве Италии 12 сентября была высказана интереснейшая оценка. Россо заявил собеседнику, что недовольство Советского Союза Венским арбитражем — это "первое, достаточно серьезное, напряжение между Советами и "осью". Последние документальные публикации характеризуют Гафенку как тонкого дипломата, желавшего улучшения отношений с СССР. В этой связи исключительный интерес представляет его мнение о советском отношении к венским решениям. В отчете министру иностранных дел Румынии М. Стурдзе от 21 сентября Гафенку классифицировал различные оценки очевидного советского недовольства ими, которое являлось: "только поверхностным" (германские круги); "более глубоким, чем кажется, и принимает неприятную форму" (итальянские круги); "может быть предвестником будущих перемен" (англофильские круги). Румынская дипломатия придавала особое значение советским демаршам по поводу пограничных инцидентов, виновником которых выступался Бухарест. Вербальные ноты передавались замнаркома иностранных дел В. Г. Деканозовым Гафенку накануне и буквально во время переговоров в Вене — 19 и 29 августа и носили характер явного дипломатического давления. В телеграмме в свой МИД от 30 августа Гафен-

ку выдвигал предположение, что настойчивость Деканозова имела целью напомнить о присутствии советских войск на еще недемаркированных румынских границах во время переговоров в Вене¹⁵.

Последнюю же из упомянутых нот протеста Гафенку именовал "уведомлением", данным Советами Румынии. При этом он отмечал, что предположительные советско-германские контакты, касающиеся венского решения, истолковывались двояким образом. По "британской версии", Москва и Берлин "снова работали рука об руку", а "уведомление" было дано с согласия, если не по просьбе, Германии, чтобы облегчить операцию в Вене. По "итальянской версии", советское правительство было поставлено в известность в самый последний момент и только самым приблизительным образом о том, что должно произойти в Вене. О линии же раздела Трансильвании и германо-итальянской гарантии территориальной целостности Румынии Москва вообще узнала только из газет и коммюнике Шуленбурга от 31 августа. "Уведомление" же, данное Румынии, по этой версии, как считал Гафенку, должно рассматриваться как проявление "черного юмора" и подтверждение того, что Советский Союз, даже и не приглашенный в Вену, "все же присутствует на Пруте и в Буковине, то есть в бассейне Дуная". Анализ ситуации румынского посланника позволил ему сделать вывод, что правильной была "итальянская версия". А глубокое недовольство советской стороны объяснялось принятием важного решения в отношении "нового порядка" в Юго-Восточной Европе без ее участия. По сообщению Гафенку замнаркома иностранных дел С. А. Лозовский даже "как будто заявил" в узком кругу в шведском посольстве: "Повторяется Мюнхен"¹⁶.

В своем анализе Гафенку пошел еще дальше и выделил двоякое недовольство Москвы: из-за употребленной формы, а также по причине существа принятых в Вене решений. Формальное недовольство было обусловлено тем, что СССР считал своим "завоеванным правом" участвовать в преобразованиях в Дунайском бассейне и на Балканах. Так, из беседы В. М. Молотова с А. Россо еще 20 июня 1940 г. вытекало желание Москвы разрешить проблемы региона общим соглашением между Россией, Германией и Италией. 25 июня Молотов вручил Россо ноту, содержащую в своей основе предложение о подобном сотрудничестве. Однако и три месяца спустя она оставалась без ответа. За это "безразличие" Италия, как считал Гафенку, была наказана — на ее попытку возобновить экономические переговоры нарком внешней торговли А. И. Микоян дал категорический отказ: "Ничего экономического без политического". (Экономические переговоры сильно затруднились после Мюнхена, о чем сообщал нарком иностранных дел М. М. Литвинов в записке И. В. Сталину от 15 октября 1938 г., но с осени 1939 г. началось развитие советско-итальянского сотрудничества.) Это, по мнению румынского посланника, заставило Россо, как и многих немецких дипломатов, считать, что арбитраж в Вене не отличался тщательной подготовкой, при этом не было проявлено "естественное осторожное отношение" к русским. Недовольство же по существу венских решений, в изложении Гафенку, было связано с нечетким разграничением в 1939 г. советских и германских зон влияния на юго-востоке Европы. (Когда СССР приступил в июне 1940 г. к решению бессарабской проблемы, Ф. Шуленбург анализировал ситуацию в телеграммах из Москвы. И. Риббентроп же подготовил меморандум

для Гитлера. Говоря о пункте секретного протокола от 23 августа 1939 г., касающегося Юго-Восточной Европы, он уточнил, что тогда "решил не признавать русских притязаний на Бессарабию открыто... и выбрал для протокола формулировку общего характера". Она гласила, что Германия "политически не заинтересована в "этих территориях", т. е. в Юго-Восточной Европе".) Это позволяло Москве сохранять "мысленно оговорку" в отношении Балкан как возможность "осуществить когда-нибудь мечту об исключительном господстве в Черном море и в Проливах". Германия же поставила в Вене барьер для этих планов, так как через румынскую Констанцу немцы достигли Черного моря, а Дунай фактически стал немецкой рекой. В итоге Гафенку сделал вывод, что арбитраж и его последствия — это "первое дипломатическое поражение т. Сталина, который научился с малым риском достигать больших побед, и поражение тем более болезненное, что оно ударяет по мечте, которая во все времена была самой дорогой для русской души, — мечте о юге"¹⁷.

Таким образом, с осени 1940 г. арбитраж по Трансильвании и гарантия неприкосновенности новых румынских границ, а также уязвленность Москвы этими решениями стали весьма существенным и постоянным аспектом в советской балканской политике и отношениях СССР с государствами "оси" — вплоть до начала советско-германской войны.

21 сентября 1940 г. состоялась третья встреча Молотова с Шуленбургом, на которой была вручена памятная записка о несоблюдении Германией статьи III договора 1939 г., касающейся взаимных консультаций. В ноте доказывалось, что Германия была обязана обсудить трансильванскую проблему с СССР, нарушила положение договора и теперь может поставить вопрос о дальнейшем существовании этой стеснительной для себя статьи. В ходе беседы Молотов дважды нарочито предлагал обсудить изменение или отмену этой статьи. Шуленбург дважды поспешно отвечал, что об этом не может быть и речи и дважды квалифицировал конфликт как несчастный случай и недоразумение. Что касалось гарантии румынских границ, исключавшей дальнейшую советскую экспансию в Буковине, то Шуленбург даже брал вину на себя, признавая, что, возможно, он "не совсем понял постановку вопроса" о Южной Буковине¹⁸.

Реальные советские оценки данной ситуации, лишённые дипломатической деликатности, содержались в справке советского полпредства в Берлине "Положение Германии во время первого года войны" от 4 ноября 1940 г. Они сводились к тому, что передачей Венгрии части Трансильвании "расширяется фронт, создается новый плацдарм для будущей схватки с СССР". Венское решение, не разрешив вековой национальной вражды на Балканах, "создает новый очаг войны". Оно заложило "новую мину на Балканах, которые будут этой миной взорваны в недалеком будущем"¹⁹.

Самым недвусмысленным образом цели СССР в его балканской политике были изложены в документе "Некоторые директивы берлинской поездки" от 9 ноября 1940 г. Он представлял собой развернутую программу печально знаменитого визита Молотова в Берлин 12—13 ноября. Не вникая в подробности грандиозной дипломатической мистификации Кремля в связи с идеей соглашения между Тройственным пактом и СССР, а также разработкой проекта Пакта четырех держав, подчеркнем лишь одно обстоятельство. И в директивах, и на переговорах Молотова с Гитлером и Риббентропом

советская сторона в очередной раз напомнила о своем недовольстве гарантиями Румынии без консультации с ней, вновь муссировала вопрос о Южной Буковине. Но самое главное, потребовала, по образцу германо-итальянских гарантий Румынии с последовавшим вводом немецких войск в эту страну, отнести Болгарию к сфере интересов СССР, предоставить ей советские гарантии и ввести туда советские войска. Гитлер в беседе 13 ноября парировал доводы Молотова тем, что Румыния сама обратилась с просьбой о гарантии, так как "в противном случае она не могла уступить части своей территории без войны". Кроме того, он предложил узнать, "желает ли Болгария иметь эти гарантии от Советского Союза" и каково будет отношение Италии как наиболее заинтересованной в этом вопросе²⁰. Круг замкнулся. Из своего крупного дипломатического поражения, каким был Венский арбитраж по Трансильвании, СССР теми же средствами и с тем же партнером пытался добиться крупного успеха на Балканах, что привело его к новому геостратегическому поражению.

Очередной виток советских апелляций к проблеме гарантий границ Румынии был связан с новыми попытками Италии возобновить в конце 1940—начале 1941 г. экономические переговоры с СССР из-за острой потребности в некоторых видах сырья. При этом Молотов оказывал давление на итальянского посла Россо, связывая возобновление переговоров с разрешением зашедшей в тупик дунайской проблемы и с "прояснением" вопроса о гарантиях Румынии. Так, в их беседе 30 декабря 1940 г. Молотов квалифицировал гарантии Румынии, граничащей с СССР, без информирования последнего, "как косвенным образом направленные и против СССР". Россо был вынужден оправдываться, что гарантии были даны как "моральное возмещение за жертвы", на которые Румыния пошла по отношению к Венгрии, утратив Северную Трансильванию, а также, чтобы заверить Румынию, что Болгария и Венгрия не смогут добиться нового изменения границ. Примечательно, что Гафенку уже 1 января 1941 г., телеграфируя в румынский МИД об этих переговорах, подметил, что в советской позиции "политика главенствует над экономикой" и СССР стремится "сделать из некоторых интересов, которые нам близки, предмет торга"²¹.

В своем подробном отчете И. Антонеску от 11 января 1941 г., касаясь упомянутых переговоров, Гафенку считал очень показательным способ, каким советское правительство хотело добиться от Италии уступок в наиболее интересующей его проблеме дельты Дуная. При этом он весьма прозорливо допускал, что "эти методы были использованы и по отношению к Германии". На новой встрече Молотова с Россо 27 января 1941 г. последний сообщил весьма предупредительную трактовку итальянским правительством Венского арбитража как решения, принятого для того, чтобы "спасти мир в бассейне Дуная и навсегда обеспечить порядок в этой части Европы". При этом подчеркивалось, что о гарантиях "настоятельно просило румынское правительство", они были обусловлены жизненными интересами по добыче и транспорту нефти и зерна из Румынии в Италию и Германию, а территориальные претензии СССР к Румынии уже были удовлетворены. Молотов дополнил прежнюю советскую позицию замечанием, что при даче гарантий Румынии не было сделано и того, что имело место при заключении германо-японского пакта от 27 сентября 1940 г., когда был внесен специальный пункт об интересах СССР. Необходимо заметить, что в

докладе от 11 февраля 1941 г., направленном Антонеску, Гафенку, тесно общавшийся с Россо, сообщал об итогах упомянутой встречи 27 января и приводил важную деталь. Это — изложенное Молотовым итальянскому послу мнение советского правительства о том, что "Германия и Италия совершили ошибку (выделено нами. — А. С.) в отношении СССР, давая Румынии столь широкие гарантии, не проконсультировавшись с советским правительством". В записи беседы на этой встрече, сделанной советской стороной, столь резкая оценка отражения не нашла²².

1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Тройственному пакту, в страну вошли немецкие войска. Этому предшествовало упорное уклонение Софии от заключения договора о дружбе с СССР. Болгарский премьер-министр Г. Кыосейвацов на встрече с советским полпредом А. А. Лаврицевым еще 3 ноября 1939 г. отклонил такую перспективу по той причине, что договор мог "ускорить войну на Балканах" и "мы не знаем планов Советского Союза относительно Балкан". Через год Болгария отказалась от новых советских предложений от 25 ноября 1940 г. — заключить договор о взаимопомощи с гарантиями по образцу румынских, а также поддержать болгарские территориальные требования о возврате Адрианопольской области по линии Мидия — Энос и Западной Фракии с городами Дедеагач, Драма и Кавала. Причем определенным мерилем этого события были все те же венские арбитражные решения. В докладе для И. Антонеску от 12 марта 1941 г. Г. Гафенку воспроизвел оценку А. Россо о том, что недовольство в советских кругах событиями в Болгарии не будет таким, "какое последовало за гарантиями, данными Румынии в Вене". Оценка оказалась правильной. В ноте СССР болгарской миссии в Москве от 3 марта и официальном советском сообщении от 4 марта содержалась всего лишь констатация, что ввод немецких войск вел к "расширению сферы войны и к втягиванию в нее Болгарии". Недовольство же Москвы обрратилось на то, что советское сообщение не было опубликовано в германской прессе, однако обсуждалось это недовольство только на уровне В. Г. Деканозова и статс-секретаря МИД Германии Э. Вайцеккера²³.

Симптоматично, что и к весне 1941 г. советская оценка второго Венского арбитража осталась практически неизменной, хотя за эти месяцы произошли огромные изменения в международной обстановке. Как следовало из аннотации доклада советского полпреда в Бухаресте "Политическое и экономическое положение Румынии в 1940 г." от 26 апреля 1941 г., советской стороной по-прежнему делался акцент на том, что Германия и Италия после бессарабского урегулирования разыграли в Вене роль "спасителей" Румынии от "посягательств" Советского Союза. В документе приводился основной аргумент Рима и Берлина, которым якобы мотивировалась необходимость для Бухареста согласиться с арбитражем: "Венское решение спасло Румынию от полного поглощения СССР"²⁴.

5, 9 и 12 мая 1941 г. в Москве состоялась серия бесед советского посла в Германии В. Г. Деканозова с немецким послом в СССР Ф. Шуленбургом. Под новые заклинания Гитлера из его речи в рейхстаге 4 мая, уже после разгрома Югославии и Греции, о том, что Германия не имеет на Балканах территориальных и политических интересов и является "только заинтересованным наблюдателем", обсуждалось на этот раз уже недовольство Берлина внешнеполитическими действиями СССР.

Имелись в виду советские заявления о Болгарии (4 марта), о Турции (25 марта), советско-югославский договор о дружбе и ненападении (5 апреля). Кроме того, обсуждались и слухи о приближающейся войне Германии против СССР. Весьма показательны, что в числе встречных претензий Москвы, указавшей на ряд случаев, когда Германия "не почиталась с интересами СССР и действовала вопреки этим интересам", первыми вновь были упомянуты гарантии Румынии. Деканозов назвал их направленными против СССР, в то время как тот "не угрожал Румынии". Ответ Шуленбурга на ставшую навязчивой претензией был многозначителен. Допустив, что Германия "не всегда в полной мере выполняла свои обязательства о консультациях" с СССР, как это и было при третейском решении о Трансильвании, Шуленбург предположил, что в Берлине, будучи поглощенными румыно-венгерскими переговорами, "о Советском Союзе *просто забыли*"²⁵ (выделено нами. — А. С.).

Однако и это обстоятельство не было последним сюжетом в использовании трансильванского фактора в международных отношениях начального периода войны. Телеграмма И. Риббентропа в Москву Ф. Шуленбургу от 21 июня 1941 г. (при всем скептическом отношении к документу, оправдывавшему прямую агрессию) в ряду прочих фактов, якобы свидетельствовавших о том, что "советское правительство нарушило договоры с Германией", содержала и пункт IV. Он гласил: "Когда Германия с помощью Венского арбитража от 30 августа 1940 г. урегулировала кризис в Юго-Восточной Европе, явившийся следствием действий СССР против Румынии, Советский Союз выразил протест и занялся интенсивными военными приготовлениями во всех сферах"²⁶. Молотов, активный творец советской внешней политики рассматриваемого периода, который практически осуществил поворот к сближению с Гер-

манией, принимая Шуленбурга 22 июня в 5 час. 30 мин. утра и ознакомившись с немецкой нотой, означавшей начало войны, задал повисший в воздухе вопрос: "Для чего Германия заключала пакт о ненападении, когда так легко его порвала?"²⁷

Берлин, еще накануне нападения на СССР, рассчитывал "на активное участие" Румынии на фланге своего фронта. Это было зафиксировано 18 декабря 1940 г. и уточнено 31 января 1941 г. в плане "Барбаросса". 22 июня 1941 г. румынский МИД разослал во все зарубежные миссии (за исключением московской) телеграмму-циркуляр о состоянии войны с СССР и о том, что генерал Антонеску "командует румыно-германскими силами на румынском фронте"²⁸. Что касалось Венгрии, то ее решение о разрыве отношений с СССР (но без объявления войны) от 23 июня, было официально сообщено лишь два дня спустя. Поэтому Молотов в беседе с Криштоффи в этот день высказал примечательное мнение, что у СССР нет претензий к его стране и Советский Союз "не имеет возражений по поводу осуществленного за счет Румынии увеличения территории Венгрии". Это диаметрально расходилось с последующей советской позицией. 27 июня Венгрия без объявления войны перешла советскую границу²⁹.

Трансильванский национально-территориальный конфликт, сыгравший столь важную роль в сложной дипломатической борьбе накануне советско-германской войны, в новой геополитической обстановке после ее начала продолжал оставаться весьма активным фактором. Он серьезно воздействовал на отношения внутри фашистского блока, планирование послевоенного устройства как державами "оси", так и странами антигитлеровской коалиции, внутривосточную борьбу в Румынии в 1944—1946 гг., урегулирование отношений с бывшими сателлитами Германии и формирование советского блока в Центральной и Юго-Восточной Европе.

¹ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940—1946 гг.: Документы российских архивов. М., 2000 (далее: Трансильванский вопрос). Док. 48. С. 174—175; Док. 51. С. 204—206; Док. 52. С. 209—210; Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 2: Первая мировая война: Документы и материалы. М., 2002. Док. 308. С. 494—496.

² См. подробней: Пушкаш А. И. Внешняя политика Венгрии: Апрель 1927—февраль 1934. М., 1995; Он же. Внешняя политика Венгрии: Февраль 1934—январь 1937. М., 1996.

³ Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962 (далее: Венгрия и вторая мировая война). Док. 123. С. 213; Трансильванский вопрос. Док. 24. С. 80, 82; Док. 47. С. 167; Док. 48. С. 191; Док. 52. С. 212, 218.

⁴ Трансильванский вопрос. Док. 48. С. 189—190; Венгрия и вторая мировая война. Док. 118. С. 206; Док. 124. С. 214.

⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов: В 6 т. Т. I: Накануне. Кн. 1: (ноябрь 1938—декабрь 1940). М., 1995 (далее: Органы государственной безопасности СССР). Док. 103. С. 215; Трансильванский вопрос. Док. 13. С. 52—54; Док. 29. С. 99; Док. 31. С. 103—104; Советско-румынские отношения 1917—1941: Документы и материалы: В 2 т. Т. II: 1935—1941. М., 2000 (далее: Советско-румынские отношения). Т. II. Док. 214. С. 395; Док. 216. С. 396—397.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 174. Л. 97—101, 179—181.

⁷ Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. Протокол первого совещания. С. 115, 119; Примеч. 123, 131. С. 274—275.

⁸ Трансильванский вопрос. Док. 19. С. 69—71; Док. 27. С. 92, 94, 96.

⁹ Там же. Док. 24. С. 80; Док. 32. С. 108; Док. 35. С. 114, 118.

¹⁰ Документы внешней политики (далее: ДВП). 1940—22 июня 1941. Т. XXIII: В 2 кн. Кн. 1: Январь—октябрь 1940. М., 1995. Док. 375. С. 593; Венгрия и вторая мировая война. Док. 124. С. 215, 218.

¹¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 348. С. 546—547.

¹² Там же. Док. 367. С. 583—584.

¹³ Трансильванский вопрос. Док. 27. С. 93; Док. 28. С. 97; Органы государственной безопасности СССР. Т. I. Кн. 1. Док. 128. С. 253; Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. М., 1987. Док. 8. С. 29—30, 32.

¹⁴ Коминтерн и вторая мировая война: Документы: В 2 ч. Ч. I: до 22 июня 1941 г. М., 1994. Док. 115. С. 411—412; Док. 119. С. 426—427.

¹⁵ Советско-румынские отношения. Т. II. Док. 202. С. 370—371; Док. 207. С. 376; Док. 209. С. 379; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 345. С. 541—542; Трансильванский вопрос. Док. 20. С. 73—74.

¹⁶ Советско-румынские отношения. Т. II. Док. 209. С. 379—380.

¹⁷ Москва — Рим: политика и дипломатия Кремля, 1920—1939: Сборник документов. М., 2002. Док. 257. С. 454; Пакт Молотова — Риббентропа и его последствия для Бессарабии: Сборник документов. Кишинев, 1991. Док. 5—8. С. 11—15; Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939—1941. Документы и материалы. М., 1991. Док. 106—109. С. 194—197; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 210. С. 357; Док. 224. С. 373—374; Советско-румынские отношения. Т. II. Док. 209. С. 380—381.

¹⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 394. С. 616—617, 620—621.

¹⁹ Там же. Кн. 2 (I). 1 ноября 1940 — 1 марта 1941. М., 1998. Док. 481. С. 20.

²⁰ Там же. Док. 511. С. 70—71.

- ²¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (1). Док. 625. С. 264—265; Советско-румынские отношения. Т. II. Док. 229. С. 415—416.
- ²² Советско-румынские отношения. Т. II. Док. 232. С. 427; Док. 235. С. 436; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (1). Док. 665. С. 363—367.
- ²³ Советско-болгарские отношения и связи: Документы и материалы: В 3 т. Т. I: (ноябрь 1917—сентябрь 1944). М., 1976. Док. 510. С. 468; Док. 583. С. 547; Коминтерн и вторая мировая война. Ч. I. Док. 127. С. 454; Советско-румынские отношения. Т. II. Док. 240. С. 454; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (2). 2 марта 1941 г.—22 июля 1941 г. М., 1998. Док. 705. С. 448; Док. 712. С. 462—464.
- ²⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (2). Док. 799. С. 625.
- ²⁵ Отношения России (СССР) с Югославией 1941—1945 гг.: Документы и материалы. М., 1998. Док. 26. С. 30—31; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (2). Док. 705. С. 448; Док. 736. С. 505; Док. 823. С. 664—666.
- ²⁶ Оглашению подлжит. СССР — Германия. 1939—1941: Документы и материалы. Док. 177. С. 336—337.
- ²⁷ СССР и германский вопрос. 1941—1949. Документы из Архива внешней политики РФ: В 3 т. Т. I: 22 июня 1941 г.—8 мая 1945 г. М., 1996. Док. 1. С. 112.
- ²⁸ "Совершенно секретно! Только для командования!": Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967. Док. 14. С. 151; Док. 17. С. 167; Советско-румынские отношения. Т. II. Док. 262. С. 503.
- ²⁹ ДВП. 22 июня 1941—1 января 1942. Т. XXIV. М., 2000. Док. 11. С. 21; Док. 23. С. 36; Док. 138. С. 202; Венгрия и вторая мировая война. Док. 145—146. С. 262—263.

SUMMARY

"The USSR and the Second Vienna Arbitration: Diplomatic Assessment of the Results and Consequences" (Anatoly Salkov)

As a result of World War I according to the 1920 Trianon Peace Treaty Romania gained about 32% of the territory of the Kingdom of Hungary including multinational Transylvania, whereas the post-war Hungary itself got only about 29%. That is why the core content of the Hungarian foreign policy, marked by expansionism, was the revision of this treaty. By the decision of the Second Vienna Arbitration, held by Germany and Italy on August 30, 1940, Romania handed over Northern Transylvania to Hungary and received guarantees for its new borders. The arbitration exacerbated the national and territorial contradictions and strengthened the dependence of both antagonists on Germany. German troops were deployed in Romania.

The assessment of the results and consequences of the arbitration by the interested parties, which is based on new documents is of special importance. It was perceived as national tragedy in Romania, but Berlin gave appeasing statements on the Transylvania and Bessarabia concessions being of temporary nature. The Budapest assessment added up to the arbitration decision having been taken in favour of Germany but not of Hungary which, on gaining territory, gained a very inconvenient boundary line. In fact, its situation proved to be less favourable than it had been before. The comprehensive assessment of the Transylvania decision of Germany as not a final one was given by A. Hitler himself. Most important was the USSR reaction which was displayed in two talks between F. Schulenburg and V. Molotov on August 31 and September 9. Moscow's resentment was based on the German side's violation of article III of the Soviet-German treaty from August 23, 1939 and focused on 4 issues:

1. It was agreed back in June, that the statements of the German ambassador to Rome G. Makensen in his talk with the Russian charge d'affaires L. Gelfand on May 20 on Germany and Italy needing to settle the problems of the Balkans and South-East of Europe jointly with the USSR, were his personal opinion, but not the point of view of the German government.

2. The Vienna decision referred to the issues which required consultations and informing, because it was the question of two countries neighbouring the Soviet Union. But Germany merely informed the Soviet Union postfactum.

3. While deciding the fate of Bessarabia and Bukovina the USSR had informed Germany beforehand, waited for its answer to take a decision, took Berlin's position into account and limited its Bukovina claims by its northern part.

4. During the period of taking a decision on Northern Bukovina Molotov expressed hope, that, when the circumstances were favourable, Germany would support Soviet claims to Southern Bukovina as well. But the guarantees for the new Romanian border conflicted with these plans.

The acute resentment of the Soviet side was determined by the fact that its territorial claims had not been taken into account at all when they collided with the greater interests of Berlin. Soviet discontent became the object of constant discussions in diplomatic circles in Moscow and was recognized to be the first serious tension between the Soviets and the Axis Powers. The Romanian envoy to Moscow G. Gafenkou even classified various diplomatic evaluations of the obvious Soviet discontent and identified two parameters:

1. Moscow was not satisfied by the form of the settlement of the problem. The USSR considered it to be its gained right to participate in the rearrangement in the Danube basin and in the Balkans.

2. Moscow was not happy about the content of the Vienna decisions either. It was connected with unclear delimitation in 1939 of Soviet and German zones of influence in the South-East of Europe, which allowed the USSR to keep hope to "implement sometime the dream of the exclusive supremacy in the Black Sea and the straits".

But Germany set up a barrier for these plans in Vienna because the Germans reached the Black Sea via Romanian Constanza, so that the Danube became, in fact, a German river. So Gafenkou came finally to the conclusion that the arbitration and its consequences "were the first diplomatic defeat of J. Stalin, who had learned to achieve great victories at small risk. This defeat was the more painful because it affected the dream which had always been most dear for the Russian soul — the dream about the South". The Soviet appeals to the Romanian guarantees, obtained in Vienna, were connected with the most important international events later on too. They were heard during the notorious visit of Molotov to Berlin on November 12—13, 1940, they were used as a factor of pressure on Italy during its attempts to resume economic negotiations with the USSR. In the course of Soviet-German rivalry in the Balkans the Soviet Union made an unsuccessful attempt to establish control over Bulgaria. The latter was urged to accept precisely the Romanian variant: in exchange for the Moscow support of its claim for western Phrakia and access to the Aegean Sea Soviet troops were to be deployed there and new borders were to be guaranteed. Thus, starting with the autumn of 1940 and right up to the beginning of the war between the USSR and Germany, the Transylvania arbitration and the guarantees of the borders established for Romania, as well as Moscow's discontent with these decisions became essential and constant aspects of the Soviet policy in the Balkans and the USSR relations with the Axis countries.